

чеников во славу православия, стихи — обращением к добродетели. Так, *Игнатий* (VIII-IX вв.) — сначала диакон Софийского собора в Константинополе, а затем — митрополит Nikeи, автор не только жития Георгия Амастридского, одного из образцов житийной литературы, но и поэмы о грехопадении Адама и Евы и переложений басен Эзопа.

И даже в стихах ученой монахини *Касии* (ок. 810 г. — конец IX в.) на первом месте — дидактизм и поучительность. Однако в содержании ее стихов свободное использование ситуаций, весьма далеких от жанра житийной литературы, представляло живые картины нравов времени.

Муж некий, изувеченный и скрюченный,
Плешивый, однорукий, черный, сморщенный,
Хромой, кривой, глухой и заикавшийся,
Заслыша брань какого-то похабника,
Пропойшы, плута и головореза, — так
Ответил на издевки злоязычные:
В моей судьбине горькой неповинен я,
Уродом уродился не своей виной.
Вот ты — ты сам в своей повинен гнусности:
Ведь не создатель ею наделил тебя,
Все сам наделал, сам терпи и сам казись»¹.

В стихах Касии как само собой разумеющееся утверждалась свобода и ответственность человека за свой образ мыслей и свое поведение, выразилось искреннее чувство возмущения невежеством, глупостью, лицемерием и предательством. В стихах, осуждавших подобные пороки и особенно глупость и невежество, звучали возмущение и чувство собственного достоинства:

Мне мерзостен глупец, что суемудрствует.
Мне мерзостен, кто всем готов поддакивать.
Мне мерзостен невежда, как Иуда сам.
Мне мерзостен в речах нецеломудренный.
Мне мерзостен доносчик на своих друзей.
Мне мерзостен речистый не ко времени»².

В коротких, эмоционально насыщенных стихах была представлена целая галерея типичных для константинопольской знати характеров, очерченных одним лишь словом, той знати, которая, толпясь у трона, проводила всю

¹ Там же. С. 320.

² Там же. С. 319.